

Юлия Григорова

Оберег воплощения

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г83

Григорова Ю.

Г83 Оберег воплощения / Юлия Григорова – М.: Литнет, 2025. – 448 с.

ISBN 978-5-521-94081-3

Прай всю жизнь был ищейкой церкви. Перенеся смертельную болезнь, он стал переболевшим, но остался верен своему долгу. Когда его отправили в самый отдалённый город материка, Прай меньше всего ожидал найти там воплощение божества, чьё объединение с двумя другими принесёт таким, как он, неминуемую смерть. Иоланта с трепетом готовилась к своему первому празднику в честь божества солнца. Ей предстояло сплести оберег и сделать так, чтобы наутро её жених прилюдно отдал его ей. Но из-за интриг соперниц оберег девушки попал не в те руки. Встреча с Праем изменила для Иоланты всё. На пути в главный город церкви она поняла, что перед спутником стоит непростой выбор между его жизнью и долгом. Чего он захочет больше: спасти её или себя?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94081-3

© Литнет, 2025
© Ю. Григорова, 2025

Содержание

Пролог. Второй шанс	5
Глава 1. Подготовка к празднику	13
Глава 2. Постоянный клиент	30
Глава 3. Какой-то абсурд	40
Глава 4. Неудачное утро	50
Глава 5. Наглости не занимать	57
Глава 6. Побег	70
Глава 7. Одержимость	83
Глава 8. Начало пути	93
Глава 9. Начало конца	103
Глава 10. Сомнения	117
Глава 11. Похищение	133
Глава 12. Второе спасение	146
Глава 13. Диалог	163
Глава 14. Передышка	178
Глава 15. Демонстрация силы	203
Глава 16. Предательство	218
Глава 17. Хуже, чем смерть	237
Глава 18. Смерть	249
Глава 19. План мести	275
Глава 20. Биц	285
Глава 21. Признания и боль	304
Глава 22. Разговор с магистром	322
Глава 23. Первый шаг к выбору	336
Глава 24. Конец пути	363
Глава 25. Страх	375

Глава 26. Поддаться слабости	383
Глава 27. Предсмертное желание	399
Глава 28. Всё или ничего	414
Глава 29. Всему приходит конец	421
Глава 30. Разные пути	432
Эпилог. День солнцестояния	441
Благодарности	448

Пролог. Второй шанс

Митл, главный город церкви святой триады

Прай

Шарканье крысиных лап по камням нарушалось всплесками воды и сопровождалось редким писком. Эти звуки эхом разносились по пустому подземелью, отражались от стен и усиливались с каждым разом. Чем ближе ко мне они были, тем сильнее раздражали. Всё проведённое здесь время я вёл тайную войну с нахальными грызунами, заткнув подошвой сапога единственную щель в основании стены. Через неё незваные гости могли сюда проникнуть. Пока побеждал я, но периодически оппоненты предпринимали контратаку, скреблись когтями по каблуку и пытались прогрызть преграду на своём пути.

В камере не было окон, а через небольшое зарешеченное отверстие в деревянной двери сюда проникали отблески масляной лампы из коридора. Благодаря им я видел только свои сапоги и ту самую щель, всё остальное оставалось сокрыто в полумраке. Должно быть, это к лучшему, ведь так я не знал, насколько отвратительно выглядел соломенный матрас, разложенный подо мной. От него исходил запах плесени, пота и рвоты, вынуждавшие меня не делать глубоких вдохов. С каждым днём эта вонь становилась всё привычней.

На самом деле я понятия не имел сколько прошло времени с тех пор, как меня бросили сюда. Перенеся болезнь, захватившую наш мир после смерти последней триады, я больше не нуждался во сне и потому мог только догадываться о количестве дней, проведённых в камере. Ну или примерно посчитать их, основываясь на визитах солдат с моим скудным рационом. Еду приносили семь раз, но, как часто полагалось кормить пленников, я не знал. Если раз в день, то прошла уже неделя. Интересно, как они будут меня вешать?

По законам церкви святой триады за преднамеренное убийство полагалась смерть, без исключений. А именно в этом преступлении

я был обвинён и заключён сюда. Будь на моём месте кто-то другой – он болтался бы в петле на главной площади в тот же день. Вместо этого я торчу тут и воюю с крысами, в то время как они даже не догадываются об этом.

Грызун прекратил карябать подошву сапога, а до моего слуха донеслось удалявшееся шарканье его лапок. Беги, беги, мерзость помойная.

Справа в отдалении послышались шаги. Они казались оглушительно громкими, и я попытался отстраниться от посторонних звуков. Аккуратно сдвинув ногу, внимательно всмотрелся в ту самую щель в основании стены. Убедившись, что крысы там и правда больше нет, я нагнулся и осмотрел следы от зубов на подошве. Прокусить её грызуну не удалось, и на том спасибо.

Шаги приближались, а в камеру начал просачиваться подрагивающий свет от пламени факела. Когда двое мужчин остановились по ту сторону двери, даже не видя их лиц, я уже знал, кто они. Определил по звуку шагов. Неужели пилат вспомнил обо мне? Да ещё и явился лично. Какая прелесть!

Благодаря тому, что отверстие с решёткой располагалось почти на уровне моих глаз, можно было наблюдать за тем, как один из мужчин достал связку ключей и принялся перебирать в поисках нужного. От их скрежета по металлическому кольцу меня передёргивало. Хорошо, что я ещё раньше заглушил окружающие звуки, иначе обострённый слух точно свёл бы с ума. Обычно спасали только самодельные затычки для ушей. Когда меня сажали сюда, то отобрали их вместе с остальными вещами.

Выбрав нужный ключ, мужчина вставил его в замочную скважину и несколько раз повернул. Раздались щелчки и скрежет механизма, вызывая неприятную дрожь по всему телу. Как же хотелось зажать уши. Из-за цепи, что скрепляла кандалы и приковывала руки к полу, это было невозможно осуществить. Её длины не хватало. Когда скрипнули петли, я чуть не взвыл. Дверь распахнулась. Слишком яркий свет факела ударил по глазам, ослепив.

Выставив ладонь перед лицом, я прищурился и отвернулся. Мне незачем было смотреть на пришедших людей, я прекрасно знал, как они выглядели.

– Не могли камеру получше выделить? Он всё же ищейка, а не городской пьяница, – недовольно буркнул хриплый голос. Он принадлежал человеку, который прежде никогда не опускался до того, чтобы посещать подземелья, подобные этому. Будучи пилатом главного корпуса ищеек церкви святой триады, он предпочитал поручать такие визиты кому-нибудь другому. Прежде я был обязан подчиняться ему при любых обстоятельствах. До того, как оказался здесь.

– Это и есть камера получше. Показать, где содержим остальных? – недовольно отозвался мужчина с факелом в руке – глава городской стражи. Его я тоже прекрасно знал, правда, именно из-за того, что никогда не слушал его подчинённых. Распахнув дверь, он так и стоял, позвякивая ключами, словно специально действуя мне на нервы. – Как видите, жив. Бумаги давайте.

Когда глаза привыкли к свету, я опустил ладонь и успел увидеть, как пилат грубо вручил мужику свиток, принял у него факел и вставил в металлическое кольцо на стене.

– На, подавись ими, – от его голоса так и веяло презрением.

Ищейки и городская стража никогда не любили друг друга, как и те, кто ими руководил. Мы стояли на шаг выше и, честно признаться, часто пользовались этим в своих интересах, а не как полагалось, в интересах церкви.

– Он ваш, – недовольно махнул рукой глава стражи и вручил пилату небольшой ключ. Окинув меня злым взглядом, он развернулся и пошёл прочь. Теперь я остался со своим прямым начальством один на один.

– Встань, Прай, – привычно скомандовал пилат. Он смотрел сверху вниз, но лицо оставалось в тени. Факел располагался сзади него и освещал больше спину и часть коридора.

У меня был выбор: безоговорочно исполнить приказ, как полагалось исходя из служебного положения каждого из нас, или проигнорировать, учитывая, как долго я здесь торчал, без каких-либо изве-

ствий о своей судьбе. Изображать обиду на пилата, лично явившегося за мной, не стоило, но и подчиняться не хотелось.

– Я думал, что исключён из рядов ищеек после... – аккуратно заговорил я. Из-за сухости в горле голос раздался с хрипотцой и звучал слишком тихо и неуверенно, но сейчас мне это только на руку.

– После хладнокровного убийства предполагаемого воплощения божества? Да, следовало бы с тобой так поступить, – перебил пилат.

Разглядывая его лицо, покрытое мелкими, едва заметными старыми шрамами и казавшиеся чёрными из-за падающей тени глаза, я только сейчас понял, что он мог прийти сюда вовсе не за тем, чтобы вытащить меня из камеры. Мужчина мог явиться, чтобы лично и без свидетелей исполнить вынесенный смертный приговор. Не годится вешать ищейку церкви на глазах у толпы, это может пошатнуть авторитет всех, кто имеет к нам отношение.

– Это был несчастный случай, – соврал я.

Перед глазами невольно предстал момент, когда шея человека, в смерти которого меня обвиняли, хрустнула, и его тело обмякло.

– Несчастный случай, – с явным недоверием и насмешкой повторил пилат.

– Он упал с лошади и свернул себе шею. С каждым может случиться, – эти слова я постоянно твердил на допросе, прежде чем оказался здесь. Не следовало менять легенду.

– Ты всё ещё жив только потому, что ищейки, пережившие болезнь и оставшиеся верными мне, а не ордену, на дороге не валяются. А раз это был «несчастный случай», то у меня нет причин подозревать тебя в измене церкви. Не так ли?

Причины, естественно, были, и мы оба их знали. Сощутив глаза, я пытался разгадать мысли собеседника, но он ничем не выражал их. Знал ли он, что случилось на самом деле?

До моего слуха начало доноситься шарканье маленьких лапок по каменному полу и едва слышное крысиное сопение. Бросив взгляд на всё ту же щель в основании стены, я не увидел грызуна, но знал, что он снова подбирается сюда, планируя проникнуть в камеру.

– Ах, вот в чём дело. Будь я простым ищейкой, меня бы уже казнили, но раз я переболевший, то ты снизошёл до визита в городскую

тюрьму, чтобы лично вызволить меня? Зачем я тебе, Сони? – прямо спросил я, обратившись к пилату по имени.

Сейчас, когда моя судьба была неизвестна, я не видел причин пресмыкаться перед кем-то, изображая учтивость и соблюдая этикет и устав. Зачем? Если бы я не был нужен, то был бы мёртв. Пережив болезнь, исходом которой чаще всего становилась именно смерть, страх перед ней меня покинул. Выздоровление стало началом новой жизни, и с самого первого дня казалось, что она была дарована мне напрасно. Лучше бы выздоровел кто-то другой, а не такой кусок дерьма, как я.

Крыса между тем подбиралась всё ближе. Кроме шарканья её лап, раздавалось то, как шерсть и бока трутся о стены. Стараясь не делать резких движений, я пытался поглядывать на щель так, чтобы не привлекать к ней внимание пилата.

– Ты поедешь в Гебирд. Поступил донос на одну из придворных дам леди Феринели. Судя по приведённым в сообщении описаниям событий, это, скорее всего, очередная клевета или попытка отвергнутой девки убрать соперницу с дороги, но мы не можем это не проверить.

– Почему я? У тебя достаточно людей для этого, – при упоминании Гебирда у меня свело челюсть. Это место было полно напыщенных снобов и модников, презирающих всех, кто не уподоблялся им. Они давно перестали пускать в город посторонних.

– Гебирд – гнездо ядовитых гадюк, плетущих интриги друг против друга и готовых порвать глотку любому, кто сунется туда с неугодными вопросами. Твой слух там очень пригодится, ведь при прямом допросе или даже беседе мало кто расскажет правду. Там нужен такой, как ты, кто сможет подслушать разговоры даже через стену. А как ты знаешь, большинство ищеек, переживших болезнь, оставили службу и переметнулись в проклятый орден. Потому я искренне надеюсь, что в этот раз всё обернётся без «несчастливых случаев», – последние слова Сони произнёс так, что уголки моих губ дёрнулись, собираясь растянуться в улыбке, но я вовремя их остановил.

В одном он был прав. Переболевшие, такие как я, отворачивались от писаний и поклонения триаде. Они начинали разделять взгляды группы лиц, называющих себя орден. Даже назвались так, словно в насмешку над церковью. Они скрывались от неё, ведь не всегда вели законную деятельность и обитали в основном в лесу.

Жизнь в нас поддерживало только то, что осталось от болезни. А объединение воплощений божеств избавило бы мир от любых её проявлений, в том числе тех, благодаря которым мы живы.

Для всех вокруг появление новой триады означало спасение, а для тех, кто уже переболел – это событие принесёт только смерть. Поэтому орден стремился его не допустить, в то время как церковь и её ищейки, наоборот, всеми силами разыскивали трёх человек, родившихся воплощением триады ради их объединения. Ведь только после него они смогут общаться с божествами, создавшими этот мир, и доносить до людей их волю.

Убитый был очередным подозреваемым в том, что он один из них. Слишком много свидетелей и событий подтверждали это. Осознание, что подозрения были ошибочны, настигло меня, только когда шея парня уже хрустнула. Его звали Гален, примерно моего возраста, и он ничего из себя не представлял. Он был убит совершенно напрасно, и Сони прекрасно это знал.

Сейчас он давал шанс и надеялся, что я сделаю правильный выбор и останусь верен церкви. Пилат знал меня с самого детства. В отличие от остальных ищеек, кто также перенёс болезнь и переметнулся к ордену, я остался со своей семьёй. Вероятно, где-то в глубине души Сони верил мне и словам про «несчастный случай», или заставлял себя верить.

За последние годы ищейкам не удалось найти истинных воплощений триады, и только поэтому я не последовал за себе подобными сразу по выздоровлении. Целое поколение людей успело родиться и состариться с тех пор, как мир видел божеств в последний раз, и нет никаких гарантий, что их явление выпадет именно на годы моей жизни. Зачем рушить то, чего удалось достичь и лишаться привилегий, что давались должностью ищейки? Меня вполне устраивала койка в казарме, отделённая ширмой от остальных, чёткий распоря-